

ИГОРЬ УГОЛЬНИКОВ ВАДИМ ШМЕЛЕВ

ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ

МОСКВА 2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У26

Угольников, Игорь Станиславович.

У26 Подольские курсанты / Игорь Угольников, Вадим Шмелев. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-107807-2

Октябрь 1941 года. После прорыва немцами Западного и Брянского фронтов на участке обороны от Юхнова до Малоярославца в советской обороне образовалась брешь. До Москвы оставалось всего 200 километров практически не защищенного Варшавского шоссе. В этой опасной ситуации командование Красной армии было вынуждено поднять по тревоге курсантов Подольского артиллерийского и Подольского пехотного училищ и, сформировав из них сводный отряд численностью 3500 человек, бросить его на оборону Можайской линии в районе села Ильинское. Фашисты долго не могли поверить, что их непобедимую бронированную армаду сумели остановить небстрелянные «красные юнкера», к тому времени еще не успевшие получить свое первое офицерское звание...

Теперь, по прошествии времени и благодаря обнаружению материалов Центрального архива Министерства обороны РФ и выходу фильма «Подольские курсанты», мы осознаем, кому мы обязаны, что немцы не вошли в Москву.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Угольников И.С., 2020
© Шмелев В.В., 2020
© ООО Студия «ВоенФильм»,
киносценарий, 2018
© ООО Студия «ВоенФильм»,
иллюстрации, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107807-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Киноповесть «Подольские курсанты» — это литературная обработка сценария одноименного фильма, раскрывающего малоизвестные страницы обороны Москвы, рассказывающего о беспрецедентном подвиге курсантов Подольских пехотного и артиллерийского училищ в октябре 1941 года под Москвой.

Курсанты — будущие офицеры, лейтенанты, «белая кость» армии. Они должны были командовать взводами, обучать солдат и своим примером вдохновлять на подвиг. Все вышло иначе. В те страшные октябрьские дни им пришлось своими телами закрыть дорогу к Москве.

Они спасли Москву ценой своих жизней, не дав врагу войти в столицу. Конечно, рядом с ними были и другие защитники Отечества — бойцы и офицеры Красной армии. Но столь массового самоотверженного подвига молодежи — комсомольцев, который был продемонстрирован подольскими курсантами на Ильинском рубеже, мировая военная история не знает.

В их честь названы улицы и школы, им наконец начали ставить памятники и открывать му-

зеи. Однако до сих пор почти все их имена числятся в страшном списке «пропавших без вести». Курсанты-герои остаются безымянными. Их семьи до сих пор не знают, где лежат их деды и прадеды, защищавшие Москву в октябре 1941 года. А у многих и семей-то не осталось — ведь они были совсем мальчишками. Статистика шокирующая: неизвестных в военных захоронениях вдвое, а то и втрое больше тех, чьи имена установлены.

Задача фильма и киноповести «Подольские курсанты» не только увековечить великий подвиг, но и не оставить безымянных героев. Вернуть нам память и гордость за своих предков.

Хочу выразить благодарность за неоценимую помощь в работе над киноповестью главе городского округа Подольск Николаю Игоревичу Пестову, внучке командира 4-й батареи ПАУ Афанасия Алешкина Ирине Владимировне Бабаковой, председателю военно-исторического совета народного кинопроекта «Ильинский рубеж» Олегу Николаевичу Комиссару, основателю и директору Музея техники Вадиму Николаевичу Задорожному, легендарному хоккеисту Вячеславу Александровичу Фетисову, участнику военно-исторического совета народного кинопроекта «Ильинский рубеж» Андрею Юрьевичу Первову и литературному редактору Наталье Николаевне Решетниковой.

Игорь Угольников

ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ

Киноповесть

Шел четвертый месяц войны. Подлой, изуверской, кровопролитной и страшной в своей безысходности. Фронтные сводки — не те, что давало радио Совинформбюро, а те, что приносили с собой солдаты с фронта, непосредственные участники событий, — не добавляли оптимизма. Немецкие танки рвутся к Туле, атакованы позиции на московском направлении сразу на нескольких участках фронта, враг стремительно движется к столице... Надежда на то, что ничего страшного не случится и наша сильная армия сможет сдерживать железный натиск врага, таяла с каждым днем. Тревога и неизвестность витали в воздухе...

Курсанты Подольского артиллерийского училища постигали азы боевой подготовки с особым усердием, готовились к исполнению воинского долга и понимали, что уже завтра придется защищать Родину даже ценою своей жизни.

* * *

4 октября. Суббота. С утра опять было туманно и пасмурно. Не успели курсанты разместиться по машинам, как небо грохнуло привычным

своим салютом, и тут же прямой наводкой в землю ударили упругие водяные струи. Всю дорогу вода стучала по брезенту, пытаясь проникнуть в темное нутро кузова, словно искала, не остались ли там те, кто еще не получил свою порцию небесного душа.

Совсем недавно Сашке Лаврову стукнуло двадцать. В такой день в его родном детдоме они с ребятами устраивали настоящий праздник. Доставали из своих тайников все, что смогли приберечь из еды или стащить днем из столовой. И, дождавшись отбоя, собирались тесным кружком возле кровати именинника. Уже тогда Сашка знал, что станет военным. А кем же еще? Как Чапаев, как Павка Корчагин, как Карацупа. Долго выбирать не пришлось. Однажды кто-то из наставников обронил при ребятах: «Артиллерия — бог войны». И хотя войны тогда никто не ждал, какая-то неведомая мощь этой фразы поразила парня и навсегда засела в его голове. Раз бог — значит, может все, значит — главный. Когда подошло время, Сашка, не задумываясь, записался в Подольское артиллерийское училище, организованное незадолго до нашествия фашистов. Война только подхлестнула стремление к мечте. Сашка внутренне ликовав: как здорово, что не ошибся с выбором, как удачно все получилось! Дальше надо отлично учиться, чтобы стать настоящим командиром. И он учился — жадно, честно, невзирая на «трудности и лишения».

Его заметили: почти тут же дали звание младшего сержанта, а вскоре по результатам практических занятий объявили лучшим наводчиком батареи...

Машина дернулась и остановилась. Сашка согнал с лица навеянную воспоминаниями улыбку и насторожился. По колонне, перекрывая шум дождя, пронесся зычный голос полковника Стрельбицкого:

— Артиллеристы! На рубеж!

Учебные стрельбы шли уже несколько часов. Все было по-настоящему: парили закопченные стволы орудий, веяли жаром разгоряченные спины курсантов... Все, за исключением разве что мишеней. Сейчас по полю двигались не бронированные уродцы вермахта, а похожие на них по форме деревянные щиты. Но в горячке учебного боя, похожего на настоящее сражение, артиллеристы понимали, что перед ними враг, а значит, нужно действовать с должным прилежанием и максимальной отдачей.

— К бою! Ориентир два! Танк противника! Бронбойным!

Голос сержанта Мити Шемякина, командира расчета, прозвучал по-мальчишески задорно. Курсанты дружно бросились доворачивать орудие. Сорокапятка, словно нехотя, переступила своими длинными станинами, одновременно кивнув стволом в сторону движущегося перпендикулярным курсом деревянного щита.

Сашка припал к панораме, изо всех сил закрутил маховик, пытаясь как можно быстрее соединить две траектории — направление движения макета и будущего выстрела. Секунда — другая... «Сейчас мы тебе прямо...» Теперь дело за заряжающим. Ткаченко вогнал небольшой, как березовое поленце, снаряд в затвор и охрипшим за день голосом выкрикнул:

— Бронебойный!

— Огонь!

Яркая точка вспыхнула за пеленой дождя. Градус напряжения у артиллеристов подскочил вместе с орудием, достигая предела. Но уже в следующую секунду стало ясно, что цель поражена. Макет дернулся, нижняя его часть разлетелась в щепки. Точное попадание в гусеницу. Отлично! Тут же под ноги выскочила стреляная гильза и, злобно шипя, замерла в вытоптанной бойцами луже.

Но расслабляться нельзя! Замаячила следующая мишень. Появление второго «танка» показалось по-настоящему угрожающим. Словно до этого были учения, а вот сейчас, в эту минуту, началось то настоящее, ради чего были придуманы все эти стальные штуки и приставлены к ним люди.

— Цель — «левее, ноль-двадцать»! Бронебойным!

Сашка снова припал к панораме, начал вращать маховик. Еще немного, и он обречет на гибель и этого врага.

— Ткаченко ранен!

Крик командира батареи, следящего за боем со своего наблюдательного пункта, раздался как гром среди ясного неба. Кажется, это не лейтенант Алешкин, а тот самый деревянный танк рывкнул, опережая тщательно подготовленный выстрел сорокопятаки.

Подающий Славик Никитин, самый молодой в расчете, от внезапного крика с НП поскользнулся и чуть было не выпустил из рук снаряд. Хорошо, что «выбывающий» Ткаченко успел поймать Славика за воротник и одним движением поставил парня на ноги. После чего сам неловко плюхнулся в лужу и вытянулся во весь свой богатырский рост.

Только отвлекаться нельзя! Расчет не отводит глаз от надвигающегося «танка». Тот ползает медленно, грозно, кажется, нет такой силы, которая остановит его. «А вот и не угадал!» Сашка буквально прирос к орудию: глаза впились в темный силуэт, руки, на время ставшие частью стального механизма, набирали недостающие миллиметры, мокрое от пота и дождя тело напряглось с такой силой, словно само готово послать снаряд в цель. А мозг... Он сейчас работал с удвоенной силой, изобретая то, что в обычной ситуации и не придумаешь. Чего проще — прицелиться и выстрелить. Но этого мало. Наводчик хочет показать себя и доказать товарищам, что не зря считается лучшим в бата-

рее. Сашка нацелил орудие прямо в черное дуло «танка»:

— А этому мы вот сюда!

Шемякин уже так охрип, что перешел на фальцет:

— Орудие!

Выстрел совпал с раскатом грома. Сверкнувшая молния на миг осветила радостные лица артиллеристов — еще одна цель накрыта! Да еще как — прямо в дуло!

— Ну, Саня, ты — огонь!

Курсанты принялись хлопать его по спине и плечам, выбивая снопы брызг. Сашка расплылся в улыбке, довольный сам собой: «А вы как думали! По-другому нельзя. Только так!»

Даже девчонки-санитары Маша и Люся, отползавшие от орудия с «раненым» Ткаченко на плащ-палатке, обернулись, чтобы посмотреть на Сашку. Герой! Надо же так суметь! Очухавшийся Ткаченко приподнялся на локте и помахал своим рукой. Эх, жаль, что без него...

Позади огневых позиций, рядом с палаткой с красным крестом, топтались свободные от стрельбы курсанты, рядом с командирской «эмкой» дружно урчали двигателями несколько крытых полуторок и дымилась походная кухня.

Неподалеку располагался наблюдательный пункт начальника училища полковника Стрельбицкого. Он внимательно следил за «полем боя», то поднимая к глазам потертый поле-

вой бинокль, то опуская его на грудь: эти ребята, на чью долю выпала страшная година войны, не подведут, пусть даже сейчас они выглядят незрелыми и слишком молодыми. Война любит молодых, это он знал по себе, эту простую формулу он запомнил на всю жизнь еще с Гражданской.

У полковника была настоящая военная биография. Ровесник века, Иван Семенович Стрельбицкий стал рядовым красноармейцем сразу же после Октябрьской революции. С тех пор не менял ни своих убеждений, ни своего рода деятельности. Преданный военному делу, он от начала до конца понимал, кто он и зачем судьба поставила его на это место. Лишь однажды, попав под безжалостный каток предвоенных репрессий, он задался вопросом «что происходит?». Тогда, в застенках, он изнемогал от сомнений, пытаясь для себя решить: почему тысячи взрослых людей вынуждены унижаться, доказывая, что они — это они, преданные Родине красные командиры, готовые для нее на все? Что нет никакого «польского шпиона» Стрельбицкого, а есть начальник артиллерии 35-го стрелкового корпуса и что все показания против него — наглая ложь и провокация? Тогда все обошлось — обвинения были сняты. Он старался заглушить в себе негодование и обиду, ибо то, чему он был предан все эти годы, было выше любых обид. Он вернулся в строй, а вскоре началась война.

Севернее города Лиды его бригада приняла на себя страшный удар фашистской танковой группы Гота. Казалось, такого ада не было ни до, ни после: горело все, что не могло гореть, — железо, вода, сам воздух превратился в огненную волну и окутал все вокруг. Немцы прорвались с флангов и окружили советские части. Потом это называли Белостокско-Минским котлом. Нужно было выходить из окружения. На его счастье, остатки бригады смогли соединиться с удачливой «группой генерала Болдина» и прорваться к своим.

Обо всем этом спустя несколько дней Стрельбицкий докладывал начальнику артиллерии Красной армии генерал-полковнику Воронову. Тот был рад, что все так удачно закончилось, жал Ивану Семеновичу руку, поздравлял с будущей наградой. Но все его добродушие, неспешная манера разговора и незнакомая до этого таинственность настораживали полковника. Стрельбицкий упорно рвался на фронт, но вместо этого прямо там, в кабинете Воронова, получил назначение на должность начальника только что сформированного в Подольске артиллерийского училища.

Сегодня казалось, что это было в другой жизни — далекой и уже вчерашней. А между тем с тех пор прошло всего каких-то два месяца. Сейчас в его руках судьбы вот этих ребят. Они еще не нюхали пороха, но он, их командир, уверен: настоящий дух войны раскроет в курсантах

то, что сделает их победителями, даже если многих и не спасет от смерти. А то, что они толковые ребята, полковник не сомневался.

Конкурс поступления в артиллерийское училище был более семи человек на место, еще бы — «боги войны». Учитывая краткосрочность курсов младших командиров (за 6 месяцев нужно было пройти курс молодого командира и освоить артиллерийскую грамоту), кроме отменной физической подготовки и крепкого здоровья, были и основные требования — необходимый минимум знаний точных наук: особенно приоритетны в данной профессии математика, геометрия и физика, эрудированность и острый ум, способности от радиста до разведчика. Специалист, обслуживающий артиллерийское орудие, должен быть и водителем, и наводчиком, и коневодом, любить лошадей обязательно (большая часть орудий на конной тяге), поэтому особые знания требовались и в умениях найти общий язык с лошадьми... Даже набор по комсомольским путевкам со всех регионов Советского Союза не освобождал от сдачи экзаменов, отбирали при поступлении в ПАУ исключительно «золотой запас» молодежи.

Он опустил бинокль и обернулся к командиру батареи лейтенанту Алешкину:

— Неплохо! Это ж надо — прямо в ствол снаряд загнать! Кто там наводчиком?

— Курсант Лавров, товарищ полковник. — На открытом лице комбата мелькнула довольная улыбка. Еще бы — сам начальник училища хвалит, да и то сказать: Лавров — действительно хороший наводчик. Добрый получится артиллерист.

— Молодец! Давайте третий макет!

Сквозь прицел Сашка видел, как над полем, блестя под дождем, медленно натягивается металлический трос. Это значит, где-то в стороне один из курсантов нахлестывает коня, поднимая с земли деревянные макеты танков. Но что это? Перед орудийным расчетом вместо одной выросли сразу три мишени! Не слишком ли, а? И тут же тяжелым грузом придавила горькая мысль: а немцы будут с тобой считаться и распределять свои мишени поровну? Стыдно, курсант Лавров!

Значит, надо что-то придумать. Стрелять по мишеням по очереди — задача несложная на первый взгляд. На самом же деле, пока прокантилишься с наводкой, кто-то из настоящих танков тебя обязательно подстрелит. А если... всех троих разом! Сашка даже оглянулся на расчет — поняли ли они его задумку?... Но все смотрели в поле и не замечали шальной Сашкиной радости. Один только Леша Богатов перехватил горящий взгляд наводчика и испуганно спросил:

— Ты чего задумал, Саня? Может, не надо, а?

Сашка только фыркнул и отвернулся к прицелу.

Еще немного подкрутить, совместить прицел... Неужели не получится? Вот он, край башни, а вот он — трос. Еще немного довернуть...

Сержант Шемякин взмахнул флажком:

— Огонь!

Выстрел! Верх деревянного щита разлетелся в щепки, и конец троса отскочил куда-то в дождь. И сразу же все три макета упали на землю — как фигурки в тире.

На подбежавшем Мите не было лица:

— Ты что делаешь? Опять хочешь всех без увольнительных оставить?

Но вместо раскаянья и обиды командир расчета увидел на Сашкином лице довольную улыбку.

Брезентовая палатка — надежное укрытие, но — разве что от ливня, а не от осколков и пуль. Поэтому и ставят их вне зоны досягаемости вражеского обстрела. Особенно палатки санчасти. Сюда по существующим военным порядкам во время боя поступают на первичный осмотр бойцы, раненные на передовой. А там уж на усмотрение полевого хирурга: тяжелых — в тыл, тех, кого можно подлатать в полевом госпитале, — на ближайший операционный стол. Это, как говорится, азбука, известная аж со времен Крымской войны, об этом рассказывают на первых занятиях в медицинских училищах и на курсах медсестер.

Маше казалось, что строгий алгоритм военной медицины придумали не грозные светила

прошлого века, а такие люди, как их Карповна. Девушке не раз представлялось, что она, эта пожилая медсестра, ассистировала когда-то самому Пирогову. Что именно Карповна, а вовсе не Даша Севастопольская, продала когда-то все свое имущество, чтобы стать сестрой милосердия и спасти русских солдат.

В свои шестьдесят Карповна, добродушная открытая русская женщина, олицетворяла, по представлениям Маши, все первичное звено полевой медицины. Опытная, по-военному строгая и простая, Карповна была настолько близкой и родной, что никто не мог даже представить, что ее вдруг не окажется рядом. Именно таких раненые называют «матерью», таким доверяют свои сокровенные мысли и шепчут последнюю волю.

Все это Маша не столько видела воочию, сколько рисовала в своих мыслях и бесконечных переживаниях. Она еще не была в настоящем деле, еще не видела потоков чужой крови, но, закончив курсы медсестер, уже давно была готова к серьезной работе.

Санинструктор Григорьева даже сейчас, бинтуя голову условно раненному Ткаченко, ни на минуту не сомневалась, что помогает действительно пострадавшему бойцу. Она умела сосредоточиться на работе и всегда делала ее аккуратно и точно.

Кроме Карповны, исподволь следящей за работой Маши, в палатке находились еще несколь-

ко девушек-санинструкторов. Они разглядывали «раненого» Андрея, тихонько перешептываясь и смущенно отводя в сторону глаза.

Востроглазая Люся уже несколько раз открывала было рот, чтобы сострить, но что-то постоянно мешало ей запустить свою обычную смешинку — то грохотал гром, то отдаленно и гулко гремели орудия.

Таких как Люся, бойких и неунывающих, на фронте очень любили. Маша знала это. Когда они проходили практику в одном из московских госпиталей, именно Люся стала для больных любимицей. Солдаты звали «сестренкой» и зазывали посидеть в своей компании не интеллигентную начитанную Машу, успевшую до войны закончить десять классов и самостоятельно осилившую латынь, а простую и веселую Люсю. И подружка не чуралась таких приглашений, а однажды, когда непозволительно долго засиделась в одной из палат, рассказывая бойцам смешную историю, даже схлопотала выговор от главного военврача.

Всем нравилось в Люсе умение находить общий язык с людьми, кто бы это ни был — солдат, старый врач, санитар или сторож их госпиталя дядя Митя. Тот, говорят, даже пытался смеяться ради научить ее крутить козью ножку. Но у нее так и не получилось, после чего история эта разошлась на курсах как забавный анекдот. Узнав об этом, Карповна только осуждающе покача-

ла головой, при этом всем своим видом показав, что эта шустрая и компанейская Люся очень даже ей по сердцу.

Снаружи послышался грохот отдаленного залапа. Ткаченко дернулся в руках Маши, та твердо вернула его голову на место. Заметив это, Люся с едкой ухмылкой заметила:

— Ну, Лавров как всегда!

Услышав знакомую фамилию, Маша вскинула на нее глаза. Прорвало, теперь не остановишь — будет воображать, пока не одернут.

— Да, опять лучше всех! — Маша приняла вызов подруги: давай веселись, но знай меру, я ведь тоже могу ответить. Однако Люся молчала, только хитрые глаза ее продолжали дразнить.

Карповна перестала перебирать бинты и вполуха прислушалась к разговору. Не допустит она, чтобы девчонки поспорили или, не дай бог, поругались на ровном месте.

Маша надорвала зубами повязку, принялась завязывать узелок, Ткаченко опять дернулся. Люся прыснула в рукав:

— А нам вот почему-то казалось, что лучше всех недавно был Митя Шемякин.

Девушки, как по команде, посмотрели на колыхающийся от дождя брезентовый полог палатки, словно командующий своим орудием там, на огневой позиции, сержант Шемякин мог их слышать.